

М. А. Осорова

Когнитивные механизмы наименования лекарственных растений в якутском языке

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: me.marine@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности образования номинации фармакофитонимов в якутском языке. Целью данного исследования является выявление мотивационных признаков лекарственных фитонимов. В ходе исследования нами были рассмотрены номинации якутских лекарственных растений, такие как «эрбэһин», «ньээм», «бохсурҕан», «кулун кутуруга», извлеченные методом сплошной выборки из различных словарей и лексикографических источников. В ходе анализа были выявлены основные мотивационные признаки номинаций якутских названий лекарственных растений, например, «место произрастания растения», «внешний вид растения», «антропонимы в составе фитонимов», «метафорическая мотивированность» и др. Превалирующим мотивационным признаком при номинации названий лекарственных растений в якутском языке является «внешний вид растения», посредством чего образованы 21 фармакофитоним и с метафорической мотивированностью – 6 лекарственных названий растений. Также анализ показал, что в якутском языке превалируют двухкомпонентные и трёхкомпонентные конструкции фитонимов.

Ключевые слова: фитонимы, фармакофитонимы, якутский язык, номинация, мотивационный признак, когнитивный механизм, растения, мотивема, номинации растений, антропонимы.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Лексика живой природы (растительный мир) в якутском языке: лингвогеографическое распределение» (Соглашение № 22-78-00221) под руководством Н. В. Малышевой., к. филол. н., в. н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», доцента кафедры «Якутский язык» ИЯКН СВ РФ СВФУ.

Для цитирования: Осорова М. А. Когнитивные механизмы наименования лекарственных растений в якутском языке // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.64.52.002>

М. А. Osorova

Cognitive mechanisms of naming medicinal plants in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article analyzes the peculiarities of pharmacophytonyms' naming in the Yakut language. The purpose of this study is to identify motivational features of medicinal phytonyms. During the study we examined names of Yakut medicinal plants, such as “erbehin”, “n’eem”, “bokhsurghan”, “kulun kuturuga”, extracted by the method of continuous sampling from various dictionaries and lexicographic sources. The analysis revealed the main motivational features of Yakut names of medicinal plants, such as “place of plant growth”, “appearance of a plant”, “anthroponyms in phytonyms”, “metaphorical motivation”, etc. The predominant motivational feature in the names of medicinal plants of the Yakut language is the “appearance

ОСОРОВА Марина Анатольевна – м. н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», аспирант кафедры «Якутский язык» ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: me.marine@mail.ru

OSOROVA Marina Anatolyevna – junior researcher, International research laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», postgraduate student, Department of Yakut Language, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

of the plant”, through which 21 pharmacophytonyms and six medicinal plant names with metaphorical motivation were formed. In addition, the analysis showed that in the Yakut language two-component and three-component phytonymic constructions prevail.

Keywords: phytonyms, pharmacophytonyms, Yakut language, nomination, motivational feature, cognitive mechanism, plants, motif, plant nominations, anthroponyms.

The research was carried out within the grant of the Russian Science Foundation «Wildlife lexicon (plant world) in the Yakut language: linguogeographic distribution» (Agreement No. 22-78-00221) under the supervision of N. V. Malysheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Linguistic Ecology in the Arctic, Associate Professor of the Yakut Language Department of the NEFU.

For citation: Osorova M. A. Cognitive mechanisms of naming medicinal plants in the Yakut language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.64.52.002>

Введение

Якутский язык – язык народа, который, стойко борясь с суровой северной природой, наряду с другими народностями Севера заселил землю с огромной территорией. История и культура народа саха невероятно интересна и богата на традиции, обычаи, которые не утрачены якутами по сей день. Якутский язык является одним из древнейших тюркских языков, тем не менее он находится в наиболее обособленной позиции от остальных [1]. Выдающийся польский исследователь Вацлав Серошевский называл якутский язык «французским языком Северо-Восточной Сибири», отмечая его роль как языка межнационального общения в среде народов Якутии (подобно французскому в Европе) [2, с. 5]. Так, якутский народ веками соседствует с такими этническими культурами, как эвены, эвенки, долгане, юкагиры, чукчи, русские и др. Якутский язык входит в состав большой семьи тюркских языков, включающей в себя более тридцати языков, он первым отделился от общего пратюркского языка [3] и довольно сильно отличается от большинства тюркских языков, так как в нем имеется обширный пласт лексики неизвестного происхождения и, безусловно, объемный пласт лексики из монгольского и тунгусо-маньчжурского языков.

В условиях глобализации происходит быстрое развитие всех сфер жизнедеятельности человека, что требует введения новых наименований для различных предметов, в том числе в лингвистике. Изучением присваивания языковых наименований реалиям действительности занимается наука об именах – ономастиология, т. е. теория номинации. Для определения принципов и способов номинации используется понятие мотивационного признака внутренней формы слова [4]. Иными словами, любая номинация растений подразумевает под собой некоторое обоснование, мотив для наименования растения. Так, ономастиология описывает общие закономерности образования языковых единиц, связи между мышлением, языком и реальностью. Также данное направление языкознания направлено на изучение языкового ландшафта. Язык отражает ряд культурных и когнитивных проблем, а лингвистика обладает инструментами для определения и описания представлений о языковом ландшафте, представляющем собой особый интерес для других областей науки [5]. Таким образом, языковой ландшафт открывает перед исследователями важную связь лингвистики с такими дисциплинами, как антропология, когнитивная география и др., которые наименее всего связаны с языком.

В основе создания слов лежат определенные механизмы и модели, которые структурируют понятия и играют важную роль в процессе номинации. Содержание таких механизмов и моделей обусловлено прежде всего тем, что, по словам исследователей, концептуальная система, опосредованная и проявляемая языком, имеет метафорический характер [5]. Изучением метафоры в формировании когнитивной системы человека занимались

Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормик, Э. Кассирер, М. Осборн и др. Работы данных ученых способствовали становлению теории когнитивной метафоры, но поворотным событием стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонса «Metaphors We Live By» [6], которая позволила рассматривать ее как ментальное представление знаний.

В. А. Меркулова рассматривает названия дикорастущих съедобных трав, грибов и ягод с точки зрения их этимологии. Так, автор изучает словообразовательную структуру и семантическую мотивированность фитонимической лексики, описывающих происхождение слов. В монографии В. А. Меркуловой «Очерки по русской народной номенклатуре растений» [7,8] рассматриваются народные названия растений, в значительной мере отличающиеся от научной. Материалом данной работы послужили диалектные словари и записи диалектной речи. Каждый элемент научной ботанической номенклатуры языков мира имеет свои соответствия в международной латинской номенклатуре. Благодаря данной номенклатуре каждый независимо от языковой принадлежности может найти описание рода и вида растения.

Изучением с точки зрения сравнительно-сопоставительного и семантико-мотивационного аспектов генетически неродственных языков занимается в своем диссертационном исследовании А. В. Берестнева [9], рассматривающая экзотические названия растений английского и русского языков. Также Д. Б. Мирзаханова сравнивает фитонимическую лексику азербайджанского языка с другими тюркскими языками, учитывая их генетические, а также семантические особенности. О. Г. Рубцова [3] изучает фармакофитонимы русского, марийского, немецкого и латинского языков как особую лексико-семантическую группу. Автор описывает основные принципы номинации лекарственных растений разноструктурных языков в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Способами обработки, хранения и передачи знаний о мире через язык занимается когнитивная лингвистика. Диссертационное исследование И. В. Лукьяновой «Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте» [10] посвящено изучению ментальных процессов познания природы жителями и старожилами Среднего Приобья. Автор выделяется два основных вида ментального освоения растений в процессе когнитивной детальности: чувственное восприятие и рациональный опыт. Так, «репрезентация диалектом наивной картины мира обуславливает присутствие незначительного количества фитонимов, объективирующих архаичный способ познания и объяснения мира природы как живого существа» [10, с. 213].

В зарубежном языкознании изучением названий растений занимается Мондана Колахдуз, доцент Исламского университета Азад в Тебризе. Ее исследование «Investigating the categories and linguistic patterns in nomination of medicinal plants» («Изучение категорий и лингвистических закономерностей в номинации лекарственных растений») [11] направлено на изучение и выявление лингвистических категорий и закономерностей в традиционном именовании лекарственных растений. Автор рассматривает более 300 названий лекарственных растений на турецком и их аналоги на персидском языках. В ходе анализа автором были выявлены категории и языковые модели, связанные с традиционным наименованием растений. Согласно результатам исследования, категория «животные» состоит из 30,48% наименований, «цвет и вкус» – 26,82%, «время и место» – 21,95%, а также являются наиболее частотными при именовании лекарственных растений. Сравнение показало, что для персидского и турецкого языков характерны схожие по своей структуре лингвистические паттерны. Предложенная лингвистическая модель носит междисциплинарный характер и может быть применена по отношению к другим языкам.

Также изучением названий растений занимаются Родриго Камара-Лерет и Хорди Баскомпт из Цюрихского университета. В своей работе «Language extinction triggers the loss of unique medicinal knowledge» («Исчезновение языков приводит к потере уникальных медицинских знаний») [6] исследователи отмечают, что к концу нынешнего века более 30% из 7400 языков мира исчезнут. Материалом работы послужил язык трех регионов с биокультурным разнообразием, лишь носителям которого известны определенные фармакофитонимы, т. е. более 75% названий лекарственных растений, а также области их применения. Эти знания коренных жителей трех регионов уникальны по своей природе, а их потеря спровоцирует утрату редких медицинских знаний известных лишь закрытому кругу людей. Эти редкие данные таят в себе ценную информацию о применении растений и возможностях народного целительства, которые ни в коем случае не должны исчезнуть.

Благодаря этимологии и изучению различных экологических и лингвистических факторов, отражающихся в названиях растений, исследователи стремятся углубить свое понимание о природе фармацевтического, пищевого и непищевого применения лекарственных растений. Настоящее исследование направлено на изучение и выявление мотивационных признаков в именовании лекарственных растений. Новизна данной работы заключается в том, что рассмотрение мотивационных признаков названий лекарственных растений и способов их образования в якутском и английском языках ранее не было объектом научного исследования.

В связи с объявлением ООН Международного десятилетия языков коренных народов (2022-2032 гг.) проблема исчезновения подобных языков становится особенно актуальной. Так как языки коренных народов содержат в себе знания, в частности, о растениях и их применении в повседневном быте. По своей природе такие медицинские знания уникальны в лингвистическом отношении, то есть они известны лишь одному определенному языку, который возможно находится под угрозой исчезновения. Каждый язык малочисленных коренных народов мира является неповторимым резервуаром медицинских знаний, благодаря которым можно выявить и сохранить вклад природы в благо людей, в связи с чем обусловлена актуальность данной темы.

Лексика растений якутского языка является довольно интересной темой для изучения, тем не менее до настоящего момента она остается малоизученной. Поэтому выбор данной темы продиктован отсутствием аналогичных работ в языкознании, что и определяет необходимость комплексного исследования названий травянистых растений.

Материалы и методы

В работе применяется описательный анализ с элементами деривационного для выявления основных закономерностей мотивационных признаков фитонимов в якутском языке.

В ходе исследования нами рассмотрены некоторые названия якутских лекарственных растений: «полынь» (22 наименования), «одуванчик» (17 наименований), «подорожник» (12 наименований), «лисохвост» (2 наименования), извлеченных методом сплошной выборки из следующих словарей: Большой толковый словарь якутского языка под редакцией П. А. Слепцова, Словарь якутского языка Э. К. Пекарского, Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии А. М. Петрова, Диалектологический словарь якутского языка П. С. Афанасьева, М. С. Воронкина и М. П. Алексеева и др.

Фитонимы якутского языка

Заемствования из тюркских языков

В якутском языке у многолетнего травянистого растения полыни – як. *эрбэһин* имеется достаточно большое количество номинаций. Вообще слово *эрбэһин* «полынь» *Artemisia* L. [12, с. 560] происходит от киргизского *эрмэн* «полынь»/койбальского *ербэн* «полынь, бо-

городская трава» [13, Т. 15, с. 278]. Название травянистого растения рода василистник представлено в якутском языке номинацией *чэмкиниэр* «василистник вонючий *Thalictrum foetidum*» [14, с. 52]. Данная лексема происходит от киргизского *чемирчек* «название травянистого растения со съедобным корнем» [15, с. 135], также как и его фонетический вариант *чэмкинэр* в значении «лютик болотный» [16, т. 3, с. 3603].

Заимствования из русского языка

В якутском языке существует большое количество заимствований из русского, что связано с давнейшей историей вхождения Якутии в состав Российского государства. Языковым контактам этих двух народов уже более 400 лет и в якутском языке прочно зафиксировался русский пласт лексики.

Трехкомпонентное наименование полыни *бүтүн сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь цельнолистная *Artemisia integrifolia* L.» [17 с. 135], т. е. *бүтүн* ‘цельный’ + *сэбирдэхтээх* ‘с листьями’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *эстрагонуну эрбэһин* «полынь эстрагоновидная *Artemisia dracunculu formis* Krasch.» [17, с. 135], т. е. *эстрагонуну* ‘эстрагоновидный’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *үрүҥ сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь белolistная *Artemisia leucephylla* turcz. ex Clarke» [17, с. 136], т. е. *үрүҥ* ‘белый, светлый’ + *сэбирдэхтээх* ‘с листьями’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *саха эрбэһинэ* «полынь якутская *Artemisia jacutica* Drob.» [17, с. 136], т. е. *саха* ‘якутский’ + *эрбэһинэ*; ‘полынь’ *тымныы эрбэһин* «полынь холодная *Artemisia frigida* Willd.» [17, с. 137], т. е. *тымныы* ‘холодный’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *солбуйааччы эрбэһин* «полынь замещающая *Artemisia commutate* Bess.» [17, с. 139], т. е. *солбуйааччы* ‘замещающий’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *бөдөн сибэккилээх эрбэһин* «полынь крупноцветковая *Artemisia macrantha* Ledeb.» [17, с. 139], т. е. *бөдөн* ‘крупный’ + *сибеккилээх* ‘с цветами’ + *эрбэһин* ‘полынь’ являются калькированием.

Следующие двухкомпонентные номинативные комплексы *Гмелин эрбэһинэ* «полынь метельчатая» *Artemisia gmelinii* Web. ex Stechm. [17, с. 137], *Сиверс эрбэһинэ* «полынь Сиверса» *Artemisia siaversiana* Willd. [17, с. 136], *Генриетта эрбэһинэ* «полынь Генриетты» *A. henriettae* Krasch. [16, с. 83], *Караваев эрбэһинэ* «полынь Караваева» *A. Karavajevii* Leonova [18, с. 83], *Максимович эрбэһинэ* «полынь Максимовича» *A. maxomovicziana* Krasch. ex Poljak. [18, с. 83], *Тилезиус эрбэһинэ* «полынь Тилезиуса» *A. tilesii* Ledeb. [18, с. 83], 15) *Триниус эрбэһинэ* «полынь Триниуса» *A. triniana* Bess. [18, с. 83] и *Чекановский эрбэһинэ* «полынь Чекановского» *A. czekanowskiana* Trautv. [18, с. 83] также возникли в результате словообразовательного калькирования и имеют в своем составе антропонимы. Также двухкомпонентными номинациями с антропонимическими единицами, образованными посредством процедуры калькирования, являются номинации *Куваев ньээмэ* «одуванчик Куваева» *Taraxacum kuvajevii* Tzvel. [17, с. 145], *Шамиссо ньээмэ* «одуванчик Шамиссо» *Taraxacum chamissionis* Greene. [18, с. 70], *Урвиллей бохсурбана* «подорожник Урвиллея» *Plantago urvillei* Opiz. [12, с. 541] и *Корнут бохсурбана* «подорожник Корнута» *Plantago cornuti* Gouan. [12, с. 541].

То же самое имеет место в двухкомпонентных номинациях *Лапландия ньээмэ* «одуванчик лапландский *Taraxacum Lapponicum* Kehim. ex Hand. –Mazz.» [17, с. 146], *Монголия ньээмэ* «одуванчик рогаоносный *Taraxacum mongolicum* Hand.-Mazz.» [17, с. 146] и *Сибирь ньээмэ* «одуванчик сибирский *Taraxacum Sibiricum* Dahlst.» [18, с. 70].

Другие наименования одуванчика в якутском языке образованы посредством прямого перевода из русского языка: *үрүҥ ньээмэ* «одуванчик белоцветковый *Taraxacum leucanthum* Ledeb.» [18, с. 70], т. е. *үрүҥ* ‘белый, светлый’ + *ньээмэ* ‘одуванчик’; *сыгыннах ньээмэ* «одуванчик голый *Taraxacum glabrum* DC.» [18, с. 70], т. е. *сыгыннах* ‘голый’ + *ньээмэ* ‘одуван-

чик'; *уһун муостаах ньээм* «одуванчик длиннорожковый *Taraxacum longicorne* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *уһун* 'длинный' + *муостаах* 'с рогами' + *ньээм* 'одуванчик'; *кирпииччэ ньээм* «одуванчик кирпичный *T. lateritum* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *кирпииччэ* 'кирпич' + *ньээм* 'одуванчик'; *кылгас муостаах ньээм* «одуванчик короткорожковый *Taraxacum Brevicorne* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *кылгас* 'короткий' + *муостаах* 'с рогами' + *ньээм* 'одуванчик'; *тыырыллыбыт ньээм* «одуванчик рассеченный *T. Dissectum* Ledeb.» [18, с. 70], т. е. *тыырыллыбыт* 'распоротый' + *ньээм* 'одуванчик'; *томтор ньээмэ* «одуванчик холмовый *Taraxacum collinum* DC.» [18, с. 70], т. е. *томтор* 'холм' + *ньээмэ* 'одуванчик'; и *отох ньээм* «одуванчик тощий *Taraxacum Macilentum* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *отох* 'малорослый' + *ньээм* 'одуванчик'.

Названия следующих фитонимов также являются прямыми переводами из русского языка: *ыгыллыбыт бохсурбан* «подорожник прижатый» *Plantago depressa* Schleicht. [12, с. 541], т. е. *ыгыллыбыт* 'прижатый' + *бохсурбан* 'подорожник'; *ортоку бохсурбан* «подорожник средний» *Plantago media* L. [12, с. 542], т. е. *ортоку* 'средний' + *бохсурбан* 'подорожник'; *бөдөн бохсурбан* «подорожник большой» *Plantago major* L. [12, с. 541], т. е. *бөдөн* 'крупный' + *бохсурбан* 'подорожник'; и *арыттыңы бохсурбан* «подорожник промежуточный *Plantago major* subsp. *intermedia*» [12, с. 541], т. е. *арыттыңы* 'промежуточный' *бохсурбан* 'подорожник'.

Мотивационный признак «внешний вид растения»

Ориентируясь на внешний вид растения, якуты давали им самые различные названия, благодаря чему становилось возможным выделение какого-либо растения среди множества других внешне схожих. В категорию «внешний вид» входят такие характеристики растений, как стебель, листья, корень, форма, размер, цвет и др.

Мотивирующей базой для двухкомпонентной номинации *сиппиурдинги эрбэһин* «полынь метельчатая *Artemisia scorparia* Waldet. et Kit.» [17, с. 137] послужил внешний вид растения. Стебель наряду с листьями и цветками полыни напоминает связку веток, вероятно, якуты ассоциировали растение с '*сиппиур*', что на якутском обозначает связку веток, прутьев тальника для подметания. В следующем примере можно увидеть метафорическую мотивированность: *тимэх от сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь пижмолистная *Artemisia tanacetifolia* L.» [17, с. 139], где '*тимэх*' (пуговица) + '*от*' (трава) + '*сэбирдэхтээх*' (с листьями) буквально переводится как «с листьями в виде пуговиц». Здесь мы видим сравнение мелких цветков полыни, собранных в корзинки, с маленькими круглыми пуговицами.

В двухкомпонентных наименованиях одуванчика *алтан бас* «одуванчик рогатый (рогоносный) *Taraxacum ceratophorum* (Ledeb.) DC.» [14, с. 59], где '*алтан*' (медный) + '*бас*' (голова, башка) и его фонетическом варианте *алтан төбө* «одуванчик рогоносный *Taraxacum ceratophorum* Ledeb. DC.» [19, с. 42] идет сравнение желто-золотистой головки на верхушке стебля данного вида одуванчика с головой человека. Предположительно, выбор цвета при номинации растения в данном случае продиктован временем его цветения, так как окрас цветков одуванчика сильно изменяется, начиная от белого, заканчивая оттенками розового, желтого.

Следующая двухкомпонентная номинация *кэрэмэс бохсурбана* «подорожник большой *Plantago major*» [19, с. 52], буквально переводимая как 'седой подорожник', образована по мотивационно-номинативному признаку «внешний вид растения». У данного вида подорожника на тычинках соцветия можно заметить белые нити, что, вероятно, послужило причиной ассоциации растения с седыми волосами у человека на голове.

Лисохвост имеет в якутском языке два названия – *кулун кутуруга* «лисохвост» [18, с. 56] и *хомустуну кулун кутуруга* «лисохвост тростниковидный *Alopecurus*

arundinaceus Poi» [20, с. 11]. Первая номинция, где лексема 'кулун' (жеребенок) + 'кутуруга' (хвост) букв. переводится как 'хвост жеребенка'. В данном случае название растения мотивировано его внешним видом, якуты ассоциировали хвост детеныша лошади с лисохвостом. Следующий номинативный комплекс *хомустуну кулун кутуруга*, где 'хомустуну' (озерный тростник) + 'кулун' (жеребенок) + 'кутуруга' (хвост) букв. 'хвост жеребенка в форме тростника' является трехкомпонентным, что редко встречается не только в якутском, но и в английском языках. Здесь название растения также мотивировано внешним видом лисохвоста с добавлением третьей лексемы *хомустуну*.

Мотивационный признак «практическое применение» растения

Растения всегда занимали у якутов особое место в их жизнедеятельности, поскольку жизнь в экстремальных условиях Севера требовала от них умений находить еду и лекарства среди довольно распространенных растений. В связи с этим многие дикорастущие растения находили свое практическое применение народом саха.

Например, двухкомпонентный номинативный комплекс *үөрэ ото* «обыкновенная полынь, съедобная трава» [19, с. 49] состоит из лексем 'үөрэ' (варево, приготовленное из сушеной мелко нарубленной съедобной травы или заболони, на молоке или тар [13, т. 12, с. 490]) + 'ото' (трава), буквально обозначающей «трава для варева». Мотивационным признаком номинации данного растения послужило его практическое применение в качестве лекарственного средства, а также продукта питания.

Двухкомпонентная номинация *бизс тымыр* «подорожник большой *Plantago major*» [14, с. 126] образована по признаку «внешний вид растения». У данного вида подорожника листья ланцетные с дугообразными жилками, что, предположительно, ассоциировалось у якутов с венами на руках человека. Помимо вышесказанного здесь также мотивационным признаком выступает признак «практическое применение» растения, так как подорожник большой применяется при заболеваниях суставов и вен. Трехкомпонентное наименование подорожника *бизс тымырдаах от* «подорожник *Plantago* L.» [21, с. 18] образовано через добавление к предыдущему примеру якутского гиперонима 'от'.

Мотивационный признак «способ, место произрастания»

В настоящей работе название травянистого лекарственного растения *бохсурбан* «подорожник» представлено в якутском языке 11 наименованиями. Например, однокомпонентная номинация *бохсурбан* «подорожник» [13, т. 2, с. 425] от *бох* «опутывать, стягивать; остановить» = тюрко-монг. *боь, боьо* «душить, сдавливать; заграждать, преграждать» [15, с. 115] и его фонетический вариант *лохсурган* «подорожник» [16, т. 2, с. 1478], образованы по принципу ассоциативных связей, вызванных тем, что подорожник произрастает практически везде, а особенно у дороги. Вероятно, данный факт лег в основу данной номинации подорожника.

Заключение

В ходе исследования нами были рассмотрены 53 названия растений якутского языка «полынь», «одуванчик», «подорожник», «лисохвост». Анализ показал, что в якутском языке преобладают двухкомпонентные (78%), трёхкомпонентные (13%) и однокомпонентные фитонимы (8%). Основным мотивационным признаком при номинации названий растений в якутском языке выступает «внешний вид растения», обусловленное прямым переводом из русского языка (38), например, *бүтүн сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь цельнолистная», *ыгыллыбыт бохсурбан* «подорожник прижатый» и *сыгыныннах ньээм* «одуванчик голый». Большое количество номинаций в данной категории объясняется существенным влиянием русского языка на якутский, активно начавшимся после вхождения Якутии в состав России.

В связи с тем, что практически каждое растение обладает более чем одним признаком, оно имеет несколько названий и, соответственно, несколько целей применения. В ходе анализа растений с метафорической мотивированностью можно увидеть, что многие из них указывают на какую-либо яркую черту. Метафорически мотивированы 6 фитонимов. Так, метафорически мотивирована номинация полыни, состоящая из двух компонентов, *сиппиирдинги эрбэһин* «полынь метельчатая». Якуты, вероятно, ассоциировали данный вид полыни с ‘сиппиир’, что обозначает на якутском «связка веток, прутьев тальника для подметания, веник» [13, т. 3, с. 418].

Литература

1. Слепцов, П. А. Саха тылын историята : СФКФ устудьуоннарыгар үөрэнэр кинигэ = История якутского языка : учебное пособие / П. А. Слепцов. – Якутск, 2007. – 290 с.
2. Алексеев И.Е. Холумтан сылааһа : саха дьарыга, үгэхэ / Хомус Уйбаан [Б. Ф. Неустроев-Мандар Уус уо. д. а. ойуулар]. – Якутск : Бичик, 2013. – 157 с.
3. Рубцова, О. Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рубцова Оксана Геннальевна. – Йошкар-Ола, 2015. – 218 с.
4. Телия, В. Н. Номинация. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцева – [изд. 2]. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 366-367.
5. Shamne, N., Rebrina, L., Petrova et al. (2014) Space of Memory: Interactional and Semantic Aspects. DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/34 // *Journal of Language and Literature*. No. 4, pp. 147-154.
6. Rodrigo Camara-Lereta and Bascompte J. (2021) Language extinction triggers the loss of unique medicinal. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2103683118>, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, pp. 1-5. <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2103683118> (дата обращения: 02.09.2022).
7. Меркулова, В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений / В. А. Меркулова // Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. – Москва : Наука, 1965. – С. 72–87.
8. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы) / В. А. Меркулова. – Москва : Наука, 1967. – 260 с.
9. Берестнева, А. В. Названия экзотических растений в английском и русском языках (структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты) : специальность 10.02.01, 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Берестнева Александра Валериевна. – Майкоп, 2008. – 247 с.
10. Лукьянова, И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте : специальность 10.02.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лукьянова Ирина Владимировна. – Томск, 2018. – 255 с.
11. Kolahdouz Mandana. Investigating the categories and linguistic patterns in the naming of medicinal plants (2018). *Proceedings of the first national conference on onomastic studies / Iran*, pp. 147–162. – ISBN: 978-600-7030-87-5.
12. Кривошапкина, Л. Г. Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии / под ред. Л. Г. Кривошапкиной. – Тверь : ИПК Парето-Принт, 2018. – 640 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017. – Т. 1-15.
14. Иванов, Б. И. Использование лекарственных растений Якутии / Б. И. Иванов, А. Д. Иванова. – Новосибирск : Наука, 2009. – 189 с.
15. Попов, Г. В. Слова “неизвестного происхождения” якутского языка (Сравнительно-историческое исследование) / Г. В. Попов. – Якутск, 1986. – 148 с.
16. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. – Ленинград : АН СССР, 1959. – Т. 1-3.
17. Иванова, В. И. Двудольные растения окрестностей города Якутска / В. И. Иванова. – Якутск : ЯГУ, 1990. – 159 с.

18. Петров, А. М. Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии = Саха сириҥ үүнээйилэрин нууччалыы-латынныы-сахалыы ааттарын тылдьыта / А. М. Петров. – Якутск : СО РАН, 2002. – 136 с.
19. Новгородов, Е. П. Лекарственные растения Оймяконья / Е. П. Новгородов. – Якутск : Бичик, 2003. – 80 с.
20. Гоголева, П. А. Растения аласов : карманный определитель растений / П. А. Гоголева, С. Г. Стручкова, Е. Д. Федорова. – Якутск : [б. и.], 2016. – 32 с.
21. Яковлева, А. И. Аар айылҕа элтиир күүһэ / А. И. Яковлева. – Якутск : Саха Республикатынааҕы норуот эмчиттэрин ассоциацията, 2009. – 128 с.

References

1. Slepcev, P. A. Saha tylyn istoriyata : SFKF ustud'uonnarygar yorener kinige = Istoriya yakutskogo yazyka : uchebnoe posobie / P. A. Slepcev. – Yakutsk, 2007. – 290 s.
2. Alekseev I.E. Holumtan sylaaha : saha d'aryga, ygehe / Homus Ujbaan [B. F. Neustroev-Mandar Uusuo. d. a. ojuulara]. – Yakutsk : Bichik, 2013. – 157 s.
3. Rubcova, O. G. Nazvaniya lekarstvennyh rastenij v raznostrukturnyh yazykah (na materiale russkogo, marijskogo, nemeckogo i latinskogo yazykov) : special'nost' 10.02.20 «Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Rubcova Oksana Gennal'evna. – Joshkar-Ola, 2015. – 218 s.
4. Teliya, V. N. Nominaciya. YAzykoznanie : Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / pod redakciej V. N. YArceva – [izd. 2]. – Moskva : Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1998. – S. 366-367.
5. Shamne, N., Rebrina, L., Petrova et al. (2014) Space of Memory: Interactional and Semantic Aspects. DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/34 // Journal of Language and Literature. No. 4, pp. 147-154.
6. Rodrigo Camara-Lereta and Bascompte J. (2021) Language extinction triggers the loss of unique medicinal. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2103683118>, Proceedings of the National Academy of Sciences, pp. 1-5. <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2103683118> (data obrashcheniya: 02.09.2022).
7. Merkulova, V. A. O nekotoryh principah etimologii nazvanij rastenij / V. A. Merkulova // Etimologiya. Principy rekonstrukcii i metodika issledovaniya. – Moskva : Nauka, 1965. – С. 72–87.
8. Merkulova, V. A. Ocherki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy. YAgody. Griby) / V. A. Merkulova. – Moskva : Nauka, 1967. – 260 с.
9. Berestneva, A. V. Nazvaniya ekzoticheskikh rastenij v anglijskom i russkom yazykah (strukturno-slovoobrazovatel'nyj i nominativno-motivacionnyj aspekty) : special'nost' 10.02.01, 10.02.20 «Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Berestneva Aleksandra Valerievna. – Majkop, 2008. – 247 s.
10. Luk'yanova, I. V. Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskom aspekte : special'nost' 10.02.01 : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Luk'yanova Irina Vladimirovna. – Tomsk, 2018. – 255 s.
11. Kolahdouz Mandana. Investigating the categories and linguistic patterns in the naming of medicinal plants (2018). Proceedings of the first national conference on onomastic studies / Iran, pp. 147–162. – ISBN: 978-600-7030-87-5.
12. Krivoshapkina, L. G. Illyustrirovannyj opredelitel' lekarstvennyh rastenij YAKutii / pod red. L. G. Krivoshapkinoj. – Tver' : IPK Pareto-Print, 2018. – 640 s.
13. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka / pod redakciej P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017. – T. 1-15.
14. Ivanov, B. I. Ispol'zovanie lekarstvennyh rastenij YAKutii / B. I. Ivanov, A. D. Ivanova. – Novosibirsk : Nauka, 2009. – 189 s.
15. Popov, G. V. Slova “neizvestnogo proiskhozhdeniya” yakutskogo yazyka (Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie) / G. V. Popov. – Yakutsk, 1986. – 148 s.
16. Pekarskij, E. K. Slovar' yakutskogo yazyka / E. K. Pekarskij. – Leningrad : AN SSSR, 1959. – T. 1-3.
17. Ivanova, V. I. Dvudol'nye rasteniya okrestnostej goroda YAKutsk / V. I. Ivanova. – Yakutsk : YAGU, 1990. – 159 s.
18. Petrov, A. M. Slovar' russo-latinsko-yakutskih nazvanij rastenij YAKutii = Saha sirin yyneejlerin nuuchchalyy-latynnyy-sahalyy aattaryn tyld'yta / A. M. Petrov. – Yakutsk : SO RAN, 2002. – 136 s.

19. Novgorodov, E. P. Lekarstvennye rasteniya Ojmyakon'ya / E. P. Novgorodov. – YAkutsk : Bichik, 2003. – 80 s.
20. Gogoleva, P. A. Rasteniya alasov : karmannyj opredelitel' rastenij / P. A. Gogoleva, S. G. Struchkova, E. D. Fedorova. – YAkutsk : [b. i.], 2016. – 32 c.
21. YAkovleva, A. I. Aar ajylҕa emtiir kyyhe / A. I. YAkovleva. – YAkutsk : Saha Respublikatynaаҕy noruot emchitterin associaciyata, 2009. – 128 s.

